

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

И. М. ИЛЬИНСКИЙ

Прошлое корректирует будущее

Газета «Красная звезда» опубликовала интервью с профессором Игорем Михайловичем Ильинским.

Поводом для публикации стал выход книг «Между Будущим и Прошлым: социальная философия Происходящего» и «Главный противник» (об этих изданиях журнал «Знание. Понимание. Умение» писал в 2006 г.). Приводим текст интервью, взятого корреспондентом «Красной звезды» Василием Семеновым.

— Игорь Михайлович, стало привычным выражение: история учит. Но учит ли она или как злобная губернантка на английский манер готова розгами карать за неувоенные наставления? Напрашивается аналогия. В начале XX столетия безволие императорского двора привело к взрыву социально-экономической формации. В конце XX века, запутавшись в конфигурациях перестройки, ее лидеры превратили страну в руины. Так есть ли «золотая середина»?

— Мне вспоминается меткий, язвительный посыл: история учит тому, что она ничему не учит. Однако мир так устроен, что прошлое корректирует будущее, «засвечивая» сбои в различных сферах политики и в жизни социума вообще. Логическая цепочка возможна лишь при желании ее уяснить. Не секрет, что есть люди, постигающие реальность посредством своих оплошно-

стей. И это, простите за прямоту, можно назвать «школой дураков», ибо умный человек предпочитает

учиться исключительно на чужих ошибках.

Я цитирую классические прописи не ради красного словца. Ошибки с упрямством, достойным лучшего применения, совершают на различных ступенях иерархической лестницы. Не исключение — и ряд наших министров, чьи имена на слуху у многих россиян. Подобно «чикагским мальчишкам», которым в начале 1990-х казалось, что вцепились в штурвал истории России, они не извлекают уроки из прошлого. Ни российского, ни советского тем более. Полагают, что самодостаточно, что им все известно. А история, мол, грехи спишет.

В свое время мне довелось делать отзыв на проект доклада Бориса Ельцина, в бытность его первым секретарем московского горкома партии, о работе с кадрами. Там, пожалуй, впервые муссировалась мысль «о праве на ошибку». С этим я абсолютно не согласен. Да, политик, государственный деятель промахи может совершать, что практически неизбежно. Но заранее выторговывать себе презумпцию невиновности, согласитесь, цинично. Вот почему становится тревожно, когда звучит «новая песня на старый лад»: мы экспериментируем — в энергетике ли, промышленности, ЖКХ и т. п. Один, два... пятнадцать вариантов, и все проваль-

ные. Как «шоковая терапия», поголовная вачеризация, развал ВПК... Цена таких ошибок изуверская: тысячи порушенных судеб.

Есть еще одна грань, о которой редко говорят. В сознании большинства людей по-прежнему отсутствуют ощущение своей причастности к происходящему в стране, чувство ответственности за нее. Вот вы упомянули события 1917 г., бездарно захлебнувшейся перестройки. Виновным, что не на тот перекресток вырулил наш паровоз истории, почему-то оказывается кто угодно: Сталин, Ленин, теперь Горбачев, Гайдар, Чубайс и т. д., что само по себе справедливо. Но вот только не «мы» сами — все вместе взятые.

А между тем повинны, да еще как. Сняли с себя обязанность мучиться и терзаться трудными, «проклятыми» для России вопросами. Нам же всем и расплачиваться за это. Никакой «золотой середины» здесь нет. Издревле известно, что истина — всегда тайна, к ней движемся через море заблуждений. Но история учит людей здравомыслящих. Глупцов нельзя научить. Аксиома.

— *В середине 1990-х ситуацию в стране отражала схема: больной президент — больная экономика. Сейчас обстановка выравнивается. Но насколько весом карт-бланш России, находящейся «между прошлым и будущим», на обновление?*

— Я не экономист, и мои умозаключения на подобную тему могут кому-то показаться поверхностными. Буду откровенен: я вообще с трудом выговариваю фразу «диверсификация экономики России». Знаю, что есть скважины и трубы. Нефть, газ. Спрашиваю у специалистов: расскажите мне, несведущему человеку, об экономической структуре страны. О заводах, где плавят металл, фабриках, которые изготавливают одежду, о мощных агропромышленных комплексах и т. д. Ибо не вижу этого. Не надо кивать на периферию. Прежде я ехал по Москве и видел: огромная людская река течет с утра на предприятия, вечером — домой с работы. Жизнь миллионов бурлит. Сейчас вижу «пробкообразующий» поток машин. Есть многотысячная чиновничья рать. Я понимаю, экономика

другая, что-то где-то в новых условиях изменилось. Но производственный сектор, составляющий реальный базис, мотор удвоения ВВП, на мой взгляд, по-настоящему еще не восстановлен.

Есть ли карт-бланш у России? Конечно. Но надо понимать, что в глобализирующемся мире все следует делать скорее, успешнее. Не секрет, что иностранные инвесторы стремятся прибрать к рукам самые «жирные куски». Входят в собственность, многим уже владеют. Есть они и в ТЭКе, и в тяжелой индустрии... К чему это может привести, если ситуацию пустить на самотек, общеизвестно. Тем более вступаем в ВТО. Значит, еще больше придется открыться.

Бесспорно, наш президент прав, призывая правительство, крупный бизнес отстаивать национальные интересы. Для России эта проблема возникла еще в 1990-х, когда она распахнулась, позволю себе сравнение, как девица легкого поведения в Булонском лесу. А ей давно надо запахнуть, приодеться. Иностранных инвесторов с их капиталом пускать в регионы и производственные сферы, где выгодно нам. Такая экономика, по-моему, будет экономикой России.

И еще. Я не ретроград. Да, потрясения, вызванные перестройкой, реформами 1990-х, обернулись внушительными потерями. Но они в конце концов обнаружили хоть и ужасающее, но истинное положение вещей. Сегодня, когда радужные обещания не сбылись, иллюзии, десятилетиями туманившие мозги, ниспали, всем нам следует сделать личный выбор. Или продолжать тупеть, уходить в духовную могилу, убивать себя паленой водкой и ядохимикатами, или возрождать державу, созидать. Иных вариантов нет.

— *Игорь Михайлович, одна из глав книги посвящена «культуре» войны. Трагически точен оказался ваш вердикт под занавес минувшего тысячелетия: XXI век запрограммирован на взрыв. Аргументов в избытке. Однако в зарубежных СМИ сейчас много пишут о гуманизации боевых действий в «эпоху прав человека и демократии». Невольно вспомнишь «Апофеоз войны» Верещагина —*

зловещую пирамиду из людских черепов. Неужели мир обречен на ницшеанские «механизмы кровавой мастерской»?

— Слово «культура» в данном контексте я всегда беру в кавычки. Нет смысла озвучивать тривиальные воззрения о сущности войн, которые, мол, зависят от природы человека. Почему-то принято считать, что он по природе своей не может «не грызть, не воевать, не бороться». Нынешний мир сталкивается с абсурдным явлением: чем дальше развивается, тем больше на планете войн и жертв. Эти безумства, думаю, объясняются еще и тем, что он по-прежнему находится в плену людоедской установки: войны неизбежны. Ведь, по Ницше и Шопенгауэру, это «очистительное явление».

— Да и Николай Бердяев в ряде своих работ созвучен...

— Безусловно. И что «после войны воздух чище», — и она едва ли не единственный источник прогресса. Странные, невероятные утверждения. А между тем психологи доказывают, что агрессивность — не доминирующее свойство человека. Он потому и наречен человеком, что обладает духовной надстройкой, homo sapiens — мыслящее существо. Однако парадокс в том, что люди никогда не ставили в приоритеты миростроительство. Испокон веков занимаются строительством военным. Оставим в стороне пацифистские лозунги. Не о них речь. Но обратите внимание, во всех уголках планеты есть академии военные, а академии мира нет. С малых лет детей повсюду учат играть «в войну». А как научить их сизмальства играть в мир?..

Так возможно ли развитие человечества в «русле добра»? Пока, наверное, только теоретически. Мир, к сожалению, озлобляется. Помню комментарий по поводу варварских бомбежек Белграда натовским генералом: мы сбрасываем «демократические бомбы». Этот «благодетель» убийство пытался представить в форме спасительной манны небесной. Но «гуманитарная бомба» — это что? «Демократическая бомба» — это как понимать? Сумасбродство!

— Теперь вопрос о другом. Под диктовку времени в странах нередко происходят радикальные встряски. Россия — не исключение. Как вам удастся удерживать высокую интеллектуальную планку вуза в сложной системе мировоззренческих, экономических координат?

— Ответить на него легко и сложно. Как ректор, я выстраиваю образовательную политику и философию, стратегию развития университета. А значит, по определению, должен знать, какие тенденции складываются в отечественном, зарубежном образовании и в какую сторону сдвинулась политика высшей школы. Это принципиально важно, дабы не оказаться на обочине жизни. Помните символическое полотно Брейгеля «Слепые»? Оно, прежде всего, олицетворяет неизбывную духовную жажду человечества прозреть, постичь смысл окружающей действительности.

Разумеется, мир настолько неустойчив, сложен, что принимать долгосрочные решения даже в масштабах вуза рискованно. Это понимают и заместители, члены ученого совета. Выражаясь военным языком, идем, как по минному полю. Но интеллектуальное напряжение окупается сторицей. В поздравлении председателя Правительства РФ в связи с юбилеем университет назван «флагманом негосударственного образования в стране». Недавно мы заняли первое место в общероссийском соревновании стандартов качества обучения. Хотя идеализировать наш вуз не следует. Здесь как в капле воды отражаются и достоинства, и проблемы нашего времени, общества.

— Не могу не спросить о судьбе высшего образования в РФ. Тем паче за последние 10–15 лет оно перманентно реформируется. Насколько выверены сегодня, на ваш взгляд, векторы перемен?

— В период так называемых реформ в 1990-е годы образование как часть культурологического пространства страны понесло сокрушительные потери. Многие вузы пришли в упадок. Но я был бы не объективен, представляя все в мрачном свете. В но-

вом, «другом обществе» стало меняться содержание высшей школы. Жизнь востребовала иные формы, методы. В последние годы государство серьезно наращивает финансовые вложения, определило приоритеты. Мировая концепция известна: будет в стране хорошее образование — будет и мощная экономика. А не наоборот.

— *Игорь Михайлович, какие настроения преобладают сегодня среди подрастающего поколения? Есть ли приметы устойчивого гражданского взросления? Или, как в самом слогане, «все будет кока-кола», а о лучших временах остается лишь мечтать?*

— Более двадцати лет я посвятил этим вопросам, был научным руководителем Научно-исследовательского центра, подготовившего несколько государственных докладов о положении молодежи в стране. Многие годы возглавляю вуз, где обучаются 11 тыс. молодых людей, и мне есть что сравнивать. Откровенно говоря, общество и государство еще в советскую пору бросили молодежь на произвол судьбы. Думаю, это одна из причин начала перестройки. Когда верхи оказались не в ладу с народом и начались известные волнения в Казахстане, Прибалтике, других регионах Союза, именно молодежь явилась «горючим материалом». С приходом к власти Бориса Ельцина положение только ухудшилось. В докладах, о которых вспомнили, еще в начале 1990-х я отмечал, что под угрозой генофонд нации, что экономическая разруха выталкивает молодых людей в низины жизни. Уже тогда бил тревогу по поводу падения нравов, всплеска наркомании, алкоголизма, проституции...

Разумеется, общество потребления формирует свою систему ценностей: страсть к деньгам, рентабельность карьеры, тщеславие... Но вот какие цифры мы получили недавно по итогам социологических исследований. На вопрос, любите ли вы Россию, 73% ответили положительно. В то же время 42% заявили о готовности сменить место жительства в связи с выгодным контрактом. Является ли подобная ситуация поводом для пессимизма? Считаю, нет.

В контексте таких категорий, как патриотизм, общественная активность, устремленность к духовности, молодежь никогда не была однородной. Сегодня видишь немало умных, обаятельных ребят, которыми можно гордиться. Надеюсь, вскоре они будут определять интеллектуальные достоинства общества. Но с молодежью надо работать. Создавать условия роста, поощрять.

— *Игорь Михайлович, ваш отец добровольцем ушел на фронт. Погиб в Латвии в 1944 году. Что теперь там происходит, известно. А в Эстонии с омерзительным напором пытаются взрыть могилы тех, кто отдал жизнь за освобождение Прибалтики от фашизма...*

— Вы затронули очень болезненную для меня тему. После долгих розысков я узнал, где находится прах отца. Лишь недавно на братской могиле установили плиту, на которой есть имя и Михаила Ильинского... Вы спрашиваете, как я, сын фронтовика, отношусь к тому, что происходит в Балтии? С отвращением. Считаю, что это рецидив ложных, непомерно раздутых амбиций политиков, насаждающих в своих странах комплекс «маленьких обиженных народов». Таких деятелей просто жаль. Затянуть возню против «бронзового солдата» в Таллинне, опозлять людей, чьи фамилии вписаны в историю войны с гитлеризмом, и потом еще корчить из себя просвещенных, культурных? Нет у них масштабы мышления, да и в душе все очень плохо. Это патология.

— *Читателей «Красной звезды», безусловно, заинтересуют секретные материалы, вошедшие в вашу новую книгу «Главный противник». Она пробивает исторический пласт к правде о целях США в отношении России с 1945 по 1950 год. И невольно возникает вопрос: неужто и вправду «колесо истории», как говорили в старину, подчас вращают дураки да мошенники?*

— Было бы большой удачей рассказать по ТВ об этой книге, о людях, пытавшихся на свой лад «творить историю», схватках дипломатий и идеологий. О том, что почти 200 советских городов были определены для

ядерных бомбардировок, что мир в середине 1945-го находился в полушаге от гибели. Многие об этом не знают. На днях довелось посмотреть телепередачу, кажется, с участием Владимира Познера. Некоторые, вроде умные мужи, с кислой гримасой вели речь о «придумках» в стране, о «страшилках» про «западную угрозу». И что во всем, дескать, повинен российский менталитет. А в моей книге подлинные документы, проливающие свет на многие события.

— *В ней представлены и политические портреты лидеров мирового уровня. Скажите, только ли психологическими нюансами можно объяснить, что президент Трумэн, на чьей совести ядерный пепел Хиросимы и Нагасаки, объявлен «великаном XX века»?*

— Людяя свойственно идеализировать прошлое. И мнение о лидере нации, отшумевших событиях зависит от того, с какого расстояния и с какой стороны на них смотреть.

Трумэн весьма скромно отзывался о себе. К примеру, после встреч в Потсдаме в его дневнике появилась такая запись: «Он (Сталин) был на целых 15 сантиметров ниже меня, и даже Черчилль был на 7 сантиметров выше Джо! И все же я был самым маленьким в интеллекте...». Кстати, в некоторые периоды лишь 23% американцев положительно оценивали его деятельность. Но на вершины величия Трумэна вознесла «холодная война», которую он провозгласил устами английского премьера в Фултоне в 1946 г. И рейтинг возрастал, когда становилось очевидным, что в близком к всемирной пропасти противостоянии супердержав СССР начинает уступать...

— *Известно, что в октябре 1944-го Черчилль по завершении визита в Москву получил в подарок 10 кг черной икры, 15 литров водки, 50 бутылок нарзана. Видимо, щедроты обуславливались заверениями гостя о «дружбе на долгие времена». Но из вашей книги можно узнать, что месяцы спустя этот гость одобряет план войны с СССР под названием «Немыслимое». Неужто и у политиков такого ранга с моралью бывают лишь «случайные связи»?*

— Многое здесь лежит в плоскости психологии. Сравнительно недавно в Швейцарии я познакомился с двумя профессорами местных университетов. Один написал о Сталине как о переговорщике. Другой — специалист по «холодной войне». Но о документах, вошедших в «Главного противника», они ничего не знали. Когда прочитали мою книгу, реакция была: мы потрясены! Но что примечательно? Потом пошли «фантазии на заданную тему». Дескать, все великие страны для перестраховки подчас разрабатывают невероятные сценарии развития событий. Поэтому и название операции — «Немыслимое». Вот как развернули. А ведь Черчилль, известный своим искусством закулисных договоренностей, предложил этот план Трумэну. Но тот не рискнул. Думаю, случись подобное, это стало бы мировой катастрофой.

Объективно мораль и политика обязаны быть совместимы при всех их сложностях. Политика — высочайшее из искусств, и, если так, значит, не каждому по уму ею заниматься. Дар Божий должен иметь человек. Политик — это «быстрый разум», эмоции и холодный расчет, добродетель и лукавство... Но поскольку политических должностей много, а талантов мало, то имеем то, что имеем.

— *Игорь Михайлович, если не ошибаюсь, в молодости вы были курсантом военного училища. Кто знает, как бы сложилась карьера, если бы не злосчастная травма ноги...*

— У каждого человека своя судьба. Мои однокурсники стали полковниками и даже генералами. Я, можно и так сказать, тоже генерал, только гражданский... Вспоминаю ли те времена? С благодарностью! Армия обуздала мою сложную, порой излишне вольнолюбивую натуру. Научила организованности, умению подчиняться и, что очень важно, исполнять приказы, а не только отдавать. Скажу больше. Однажды, будучи в Омске проездом, завернул в родное училище. Конечно, никого из прежних командиров уже не было. Но мне, тогда уже состоявшемуся в жизни человеку, важно было увидеть плац, учебные здания, как бы пафосно это ни прозвучало, вдохнуть глоток воздуха далекой

армейской юности. С ее строгими законами, мужской дружбой, надеждами на будущее. Я вообще считаю, что молодежь должна проходить необходимую для взросления армейскую школу. Это я говорю, если угодно, как действительный член Российской военной академии.

— В декабре — очередная годовщина развала Союза. В канун краха СССР, помнится, муссировался тезис об «агентах влияния». Таковы действительно были или это выдумка фантазеров?

— Признаться, в начале перестройки я с иронией относился к подобным утверждениям. Но, кажется, в 1989 году меня пригласили в Англию на съезд советологов. В то время я писал острые статьи о ситуации в стране, о провальной молодежной политике и т. д. Я был и искренне убежден в необходимости перемен. Хотя никогда не считал, что следует разваливать Союз. И там, на съезде, я увидел иностранцев, вокруг которых кучковались несколько наших товарищей. Потом их куда-то увезли на самолете. А вечером, за чашкой чая, один похвалился: за два дня отхватил 25 тыс. долларов. У них это называлось «слегка подработать».

Дело не в фамилиях и не в том, были ли эти деятели напрямую связаны с западными спецслужбами. Очевидно одно: в стране формировалась так называемая пятая колонна. Даже в самых верхах партийной и государственной власти мельтешили «агенты влияния», которые словно жуки разрыхляли и без того расплывавшийся фундамент системы. Из опубликованных документов теперь ясно, что некоторые оказались «в кругу первом», рядом с Ельциным, в период борьбы с Горбачевым за власть.

— Но вас не очень-то миловала старая власть?

— Я много печатал неугодных для нее материалов. За это долбали, в КГБ вызывали

«для профилактики», грозили. Но я исходил из чистых побуждений, что страна дальше не может жить, как живет, что она может жить гораздо лучше. И, дескать, поэтому прав генсек партии. Теперь я по-другому оцениваю роль Горбачева.

— И все же он тоже из числа тех, кто покрутил «колесо истории». Другой вопрос, в ту ли сторону...

— Он нарцисс. Из разряда геростратов, готовых сжечь все, лишь бы увековечить свое имя. У Михаила Сергеевича преобладало стремление выделиться, дабы его восхваляли в стране и в мире. Недавно о нем показали по ТВ документальный фильм, где проводились параллели с Наполеоном, Александром Македонским...

— Может, было логичнее — с Нероном, который пытался спалить Рим?

— С кем угодно, если линия на разрушения убедительна. А развал Союза — это кактализм глобального масштаба.

— И в заключение. Принято считать большим счастьем для человека способность удивляться. Если ее нет — дисгармония жизни. Судя по книгам, Игорь Михайлович, даже в беспокойные времена «таблетки радости» вам не нужны. Или я заблуждаюсь?

— Когда у меня спрашивают: вы оптимист или пессимист, я всегда отвечаю — реалист. Прав поэт: кто всегда одинаково ясен, тот, по-моему, просто глуп. От природы мне повезло испытывать многоцветье человеческих чувств, переживаний. Я давно понял, что нельзя пребывать в ожидании счастья в каком-то времени, которое якобы однажды наступит. С чего бы это «вдруг» и когда случится? Откуда оно свалится на нас, это «время»? А если и произойдет что-то желанное, то будем ли мы живы в ту пору? Не разумнее ли получше распорядиться настоящим? В конце концов, только оно — наше...